с. Моск. Вед.
3/VIII - 1901.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРАХЪ. *

До семидесятыхъ годовъ, поступивъ на службу въ театръ, артисты, чиновники и простые рабочіе люди были увѣрены, что безъ особо уважительной причины они службы лишены не будутъ. Очень многіе выслуживали болѣе сорока лѣтъ или вообще служили до глубокой старости.

Привольно жилось въ былое время театральнымъ капельдинерамъ, особенно состоявшимъ при труппахъ. Они много получали отъ артистовъ за поздравленія съ праздниками, съ прибавкой жалованья, съ бенефисами и прочими ихъ радостями, а еще больше за секретную передачу интимныхъ записочекъ театраловъ къ воспитанницамъ театральной школы и балетнымъ корифейкамъ. Въ этой операціи капельдинерамъ помогали сторожа, няньки, сторожихи и портнихи. Кромѣ того, не малый доходецъ перепадалъ и отъ экипажей. Неподатливому артисту приходилось въ наказаніе частенько путешествовать пѣшкомъ или дожидаться отправки по получасу на подъѣздѣ.

Раздѣвальные капельдинеры пользовались вѣшалкой, сборъ за которую не былъ опредѣленъ и весь поступалъ въ ихъ пользу. Въ случаѣ пропажи платья, они безпрекословно уплачивали пострадавшему требуемую сумму денегъ.

Дѣтей своихъ капельдинеры почти всегда опредѣляли въ театральную школу.

Въ реформу 1882 года дирекція сама стала эксплуатировать вѣшалку въ свою пользу, взимая съ публики 20 коп. лишнихъ при покупкѣ мѣста въ кассѣ. Студенты и гимназисты, являвшіеся въ театръ безъ верхняго платья, конечно, не хотѣли платить за храненіе несуществующаго платья. Между тѣмъ, каждый изъ публики имѣющій верхнее платье при одѣваніи чувствовалъ себя стѣсненнымъ и невольно платилъ капельдинеру за гардеробъ. Этотъ двойной расходъ несетъ публика и нынѣ.

Въ дореформенное время незанятые въ спектакляхъ артисты пользовались марками для безплатнаго занятія въ зрительномъ залѣ свободнаго кресла, не ближе 9 ряда. Первоклассные артисты имѣли право для себя и своего семейства занимать ложу бенуара или бельэтажа. Хористамъ полагалось мѣсто въ амфитеатрѣ верхняго яруса. Марки выдавалъ предъ началомъ спектакля дежурный чиновникъ. Капельдинеры, театральные портные и сторожа выпрашивали марки у артистовъ и безцеремонно при входахъ въ театръ продавали ихъ публикѣ по полтиннику за мѣсто или за входъ въ существовавшіе тогда театральные маскарады.

Въ пятидесятыхъ годахъ на драматической сценѣ костюмы и городское платье всѣмъ артистамъ и участвовавшимъ на сценѣ лицамъ дѣлали казенные, въ казенной мастерской, или, въ исключительныхъ случаяхъ, для первыхъ персонажей заказывали лучшимъ портнымъ въ Москвѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ артистамъ на городской гардеробъ стали назначать особую плату, или увеличивали жалованье. Отъ дирекціи полагалось, какъ и теперь полагается, артистамъ всѣхъ труппъ и разрядовъ исключительно характерное платье, обувь и прочія принадлежности и украшенія костюма.

Всѣ артисты и мелкіе служащіе при труппахъ пользовались очень свободно хорошими казенными костюмами, одѣваясь въ нихъ въ маскарады и частные маскарадные вечера.

Чиновники, келейнымъ образомъ, отпускали лучшіе характерные костюмы своимъ знакомымъ, а то просто кому попало за очень недорогое вознагражденіе въ свою пользу.

Не рѣдко въ театральномъ маскарадѣ можно было встрѣтить даму въ роскошномъ бархатномъ костюмѣ маркизы, которая оказывалась простою театральною портнихой.

Въ семидесятыхъ годахъ одному извѣстному баритону казенной италіянской оперы въ Москвѣ сшили великолѣпный зеленый бархатный испанскій костюмъ, стоившій болѣе трехсотъ рублей. И вотъ, за два дня до спектакля, театральный чиновникъ рискнулъ отпустить этотъ костюмъ одному купчику. Купчикъ, напившись пьянымъ въ маскарадѣ, падалъ на залитый виномъ и саломъ полъ въ буфетѣ, дебоширилъ, наконецъ, подравшись, попалъ въ Тверской частный домъ. Костюмъ въ изорванномъ и грязномъ видѣ доставили въ театръ. Костюмеръ, спасая себя и чиновника отъ большой непріятности, подобралъ для пѣвца хорошій костюмъ изъ прежнихъ, находившихся въ гардеробѣ, сказавъ, что новый костюмъ поспѣетъ только къ слѣдующему спектаклю, а старшему начальнику доложилъ, что портной, разглаживая совсѣмъ готовый костюмъ, по неосторожности прожегъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ утюгомъ.

Еще бо́льшая и весьма убыточная для казны неурядица существовала по парикмахерской части. Дирекція рѣшила это дѣло, на извѣстныхъ условіяхъ, по контракту, передать парикмахеру, здавъ ему при этомъ огромный выборъ цѣнныхъ париковъ, бородъ, локоновъ и волосъ, стоившихъ очень значительную сумму денегъ. Тогда въ Москвѣ стали разводиться частныя театральныя представленія, для которыхъ всѣ головные уборы и прически поставлялъ единственный въ Москвѣ казенный театральный парикмахеръ. По окончаніи долгосрочнаго контракта дирекціи съ парикмахеромъ, оказалось, что все богатство, сданное казною парикмахеру, „сгнило“ и для доказательства ревизорамъ была представлена сваленная въ углу куча попорченныхъ волосяныхъ издѣлій. А превосходные парики, локоны и проч., расположенные въ стеклянныхъ шкафахъ парикмахерской комнаты, оказались собственностью ловкаго фигаро.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Д. МУХИНЪ.

---

* См. *Моск. Вѣд.* №№ 161, 165, 179, 185, 197, 204 и 209.